

A close-up photograph of a fountain pen writing on a document. The entire image has a strong blue tint. The pen is positioned diagonally from the top right towards the center. The nib is in contact with the paper, and the ink is forming a cursive letter. The background shows the texture of the paper and some faint, illegible handwriting from another page or section.

Литературный альманах
Понедельник

№6

Наталья Терликова

Понедельник. № 6

«Издательские решения»

Терликова Н.

Понедельник. № 6 / Н. Терликова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966249-1

А для меня по-прежнему каждый автор, начинающий или уже состоявший, — это квант света в нашем мире теней и сомнений. И я счастлива, что ищем друг друга в круге света и находим под одной обложкой альманаха «Понедельник». А поскольку свет распространяется с огромной скоростью, не обращая внимания на границы государств и другие условности, то и перспективы у нас с вами весьма заманчивые. Руководитель ЛитО «Понедельник» Н. Терликова

ISBN 978-5-44-966249-1

© Терликова Н.
© Издательские решения

Содержание

Авторы ЛитО «Понедельник» – Израиль	7
Яша Хайн, Хайфа	7
Я камень целовал	7
Вероятно, в будущей жизни	8
Немного жаль...	8
Шарлотта	9
Марина Старчевская, Ришон-ле-Цион	10
С улыбкой	10
Просто Мария	10
Селяви	11
Творческое	11
Семейный шкаф	11
Полный супрематизм, или Утро с Малевичем	12
Сага о холодильнике	12
Одностишки	13
Съестные	13
Брачные	13
Финансовые	14
Криминальные	14
Сказочные	14
Математическое	14
Революционное	14
Лирика	14
Горбушка	15
Камчатка	15
Сто четвёртый	16
Денис Камышев, Ашдод	17
Книга жизни	17
«Ангелы в глазах моих смеются...»	18
«Время – пепел в кофейной чашке...»	19
«Разговоры ночные помешивал, словно помешанный...»	19
«Заполняю осмысленными иероглифами любви...»	19
«Они оба смотрели в окно...»	20
«Хочется наблюдать дождь, в теплом гнездове пледа...»	20
«Не удерживай солнце, сожжешь ладони...»	21
«Сквозь беспощадных лет унылый бег...»	21
«Мой город, словно старый трансвестит...»	21
«Не умея любить, говорим невпопад о любви...»	22
«Ко мне приходила в снах женщина-кошка...»	22
«Цветные кубики мечты...»	22
Александр Бинштейн, Ашдод	24
«Опечатано сердце, любовь как сургуч горячий...»	24
Lasciate ogni speranza voi ch'entrate	24
Парки	25
«Когда нервы натянуты, как корабельные ванты...»	25
Рашид Нагиев, Ашдод	27

Остров непоплаченных долгов	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Понедельник

№ 6

Редактор Наталья Терликова

Редактор Зина Сорокурс

Благодарности:

Марина Сухаревич

ISBN 978-5-4496-6249-1 (т. 6)

ISBN 978-5-4496-0104-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорогие читатели!

Мы продолжаем вас знакомить с творчеством участников литературного объединения «Понедельник». В шестом выпуске нашего альманаха к нам присоединились новые авторы из Тель-Авива, Нетании, Мицпе Рамона, Ашдода и Бат-Яма, а также наши друзья из России. Надеюсь, вас не разочаруют и новые произведения уже известных вам, полюбившихся писателей и поэтов. В этом выпуске альманаха вас ждут захватывающие приключения, юмористические новеллы, серьёзные размышления о смысле жизни, хокку, удивительная поэзия и многое-многое другое.

А для меня по-прежнему каждый автор, начинающий или уже состоявший, это квант света в нашем мире теней и сомнений. И я счастлива, что ищем друг друга в круге света и находим под одной обложкой альманаха «Понедельник». А поскольку свет распространяется с огромной скоростью, не обращая внимания на границы государств и другие условности, то и перспективы у нас с вами весьма заманчивые.

Руководитель ЛитО «Понедельник»

Н. Терликова

Авторы ЛитО «Понедельник» – Израиль

Яша Хайн, Хайфа

Я камень целовал

*Вдохновение: «Ручей поёт камню»
Леа Гольдберг*

Я камень целовал, пока он почивал
и омывал водой холодной по утрам.
Всё потому, что я ручей – и берегам
на верность никогда, нигде не присягал.

Он тишина, а я – движение и путь,
он одиночество, а я войны солдат,
в нём запаха сражений горький аромат
и стон солдат – когда простреливали грудь.

Смертям в глаза смотрел, но что о жизни знал
тот камень, всем дарующий покой,
прохладный камень под стремительной волной,
которого ручей беспечно омывал.

Возможно, камень – души впитывал в себя
всех тех солдат, кто рядом с камнем умирал,
возможно, смерть он лучше жизни понимал, —
возможно. Я тот камень целовал любя,

а он в ответ шептал мне по утрам – «Забудь,
забудь, как на войне простреливали грудь,
ты мой ручей, во мгле проложишь скрытый путь,
ведь мы с тобой – любви и мирозданья суть...»

Вероятно, в будущей жизни

Вероятно, в будущей жизни
загоню свою грусть в облака,
надоевший закрою бизнес,
всё былое продам с молотка!
Сохраню лишь гамак, да книги,
двор пустой, белый грушевый сад,
покосившийся, ветхий флигель,
лепестков ароматных парад.

Станет песня моя попроще,
растворится во мгле зыбкий храм
предсказаний. В тенистой роще
будет петь соловей, а к словам —
прикреплю звуки нежной скрипки
и спою с соловьём новый гимн
про отчизны моей ошибки,
про Москву и про Иерусалим.

Обнимать будет нас эпоха,
где блаженствуют души и рай
обещает – «Будет неплохо»,
и никто не кричит нам – «Вставай!»
Унесутся с ветром интриги,
пальцы солнца там – сквозь облака,
залезать будут в старый флигель
и поглаживать щель потолка...

Немного жаль...

Как жаль, что выхожу из детского, крылатого пространства,
Где летом выла белая метель в порыве хулиганства,
И яркость хрустала мальчишеского смеха не тускнела,
Дрожащий луч писал свой первый стих туману – неумело...

Немного жаль, что не могу лизать до синяков-проталин
Февральский снег. А стрекозу, застывшую среди развалин,
И сумерек клубящийся покой, скрипящий стул и книги —
Припоминаю словно в кадре рваном жизненной интриги.

Касанье губ, запитое росой всё в той же киноленте,
И девочка... всё дело в волшебстве, в «невинности пигменте»,
Горошек мятый на весёлом, лёгком платье в крепдешине,
И робкий взгляд луны сквозь облака – который не покинет...

В замесе лет прошедших жизнь густеет и прилипнув к месту,
Предпочитает мягкий взгляд – лирическому манифесту,
Здесь страх и воля, неудача и успех – ютятся в мире,
Так выглядит досуг любви, когда тебе – 64...

Шарлотта

Проснулся в шесть утра. За окном, на балконе спальни, подсолнечники кричали золотом в синюю даль.

Почувствовал восхитительный запах кофе и представил, как свежесбрившийся, с лёгким ароматом одеколона «Аллюр спорт», в светло-бежевых льняных джинсах, тёмно-синей рубашке и коричневых мокасинах направляюсь к любимому чёрному джипу.

По дороге встречаю Шарлотту из соседнего подъезда, сияющую своей необыкновенной, загадочной улыбкой.

Обменявшись взглядами и не промолвив ни слова садимся в машину. «Куда – в Лондон или в Барселону?» – спрашиваю я. «В Барселону – я сегодня без зонтика» – полушёпотом отвечает она...

Зазвенел будильник. Шесть часов и две минуты. Покачиваясь, поднялся, увидел в зеркале небритую рожу с мешками под глазами. Шарлотта и Барселона крепко сидели в моей душе. Выпил яблочного уксуса натошак для снижения уровня сахара.

Отпустило.

Твёрдым, непоколебимым шагом направился в ожидавшее меня утро, наполненное заблудившимся в квартире запахом цветов.

Марина Старчевская, Ришон-ле-Цион

Автор аудиокниги и семи поэтических сборников для детей и взрослых, изданных в России и Израиле. Член Союза писателей Израиля и МТО ДА (Международное Творческое Объединение детских авторов). Лауреат премии «Золотое Перо Руси – 2016» в России и премии им. Ф. Кривина в Израиле. Публиковалась в газетах и журналах России, США, Израиля, Финляндии, Украины, Германии.

С улыбкой

Просто Мария

В одном огороде, в норе у сарая,
Жила под фамилией Мышь-Полевая,
По записи в метриках – просто Мария,
Серее не сыщешь на периферии.

Любила исследовать корни и ветки,
Припасы в кладовке ближайшей соседки...
Однажды, учуяв домашний творожник,
На кухню зашла, позабыв осторожность.

Хозяйка при виде хвостатой Марии
Подверглась атаке большой истерии —
Запрыгнула с маху на стол, без одышки,
И там запищала не хуже, чем мышка.

Хозяйская кошка по имени Стёшка
(Философ и скептик, как всякая кошка),
Всегда уверяла, утробно урча,
Что лечит неврозы не хуже врача.
При этом не терпит истерик и писка,
Особенно рядом с кошачьей миской.

Вот так и случилось, буквально вчера —
Теперь у сарая пустует нора.

Селяви

С хвостиком спиралью, с прорезью на спинке,
Накопила денег глиняная свинка,

До чего же славно поместились нетто
В животе у свинки звонкие монеты:

Хватит на причёску, хватит на причуды,
Даже на колечко с мелким изумрудом.

Погубили свинку, раскололи тело —
Накопила денег, но не уцелела.

Творческое

Привидение с мотором —
Я романтик и поэт,
Исцеления в котором
Без десерта просто нет.

Не поёт во мне моторчик,
Целый месяц не поёт,
Мне бы с тортиком ликёрчик,
Или с яблоками мёд.

Мне бы джем из пассифлоры
И шампанского бокал...
Сколько песен для моторов
Я бы слёту написал!

Очень вреден для поэтов
Мир без жирных пирожков —
Не способствует диета
Сочинению стишков.

Семейный шкаф

У всех рачительных хозяек,
Как на цепочке волкодав,
Любые тайны охраняет
Семейный шкаф, семейный шкаф.

Бельё, рубашки, туалеты,
Смешная шляпка к Рождеству,
Парик и старые штиблеты
В таком шкафу, в таком шкафу.

Он, словно бочка Диогена,
Исправьте, если я не прав,
Ведь даже в случае измены
Спасает шкаф, спасает шкаф.

Полный супрематизм, или Утро с Малевичем

Мы надирались у соседа —
Вначале пили за цвета...
Наутро «Дня Искусствоведа»
Никто не помнил ни черта:

Летали стрелы и квадраты,
Мелькали спилы сложных призм,
В мозгах крутился экскаватор,
В глазах стоял супрематизм.

Рождалось внутреннее чувство,
Ужасным образам сродни,
Что так отравлен был искусством
Неискушённый органи...

Сага о холодильнике

В одном холодильнике марки «Саратов»
Скучали котлеты и жирный бекон,
Сардельки свисали, как шайка пиратов,
И мутные взгляды бросал самогон.
Попахивал плесенью ломтик рокфора,
Желтел в морозилке бывалый минтай,
Но даже простое кило помидоров
Стремилось попасть во фреоновый рай!
Роптала на запах здоровая пища:
Овсянка и суши из тощих тунцов...
И бледных кефилов святая толпища
Косилась на радостный блеск огурцов.

Но всё неуклонно приходит к закату —
В миру ничего постоянного нет,

Владельца уволили. За неуплату
ЖэКа отключило газ, воду и свет.
И кот и хозяин, презрев макароны,
Бесстрашно сражались с фуражной бедой —
Хозяин рокфор запивал самогоном,
А кот расправлялся с полезной едой.

Судебные приставы, в жажде оплаты,
Ворвались в жилище, а там ни черта:
Изъяли спиртное, забрали «Саратов»
И долго тащили оттуда кота.
А он завывал и держал оборону,
Швырял в полицейских несвежей хамсой,
Орал, что задержка котов незаконна,
И взятку пытался давать колбасой.

Шипел и мяукал – упрямая киса,
Размахивал справкой от блох и глистов...
И в ходе осады добился прописки
В квартире на Ленина, возле Крестов.

Одностишки

Съестные

«Как я подавлено!» – воскликнуло пюре.

Я очерствел. как пирожок в столовой...

Форель свежайший, на рассвете хрюкал!

Брачные

На третий день невесте стало горько.

Не всякий год удачно выйдешь замуж...

Руки и сердца? Тут я вам не донор!

Финансовые

Клиент не доллар – пополам не сложишь.

Цена не юбка – выше не поднимешь!

И в банке счёт не в вашу пользу, сэр!

Криминальные

В отверстия от пуль светило солнце.

На тормозном пути стояли две берёзы...

«Прощу к столу!» – промолвил патанатом.

Сказочные

Ну, зеркальце, скажи, что ты кривое!

Лягушка стрелки переводит на Ягу.

Два коlobка желают прокатиться...

Математическое

У мнимого числа развился комплекс...

Революционное

Ушла в подполье. Полевая мышь

Лирика

Горбушка

На рынке в аллее Филёвского парка
Гудела, как дикий огонь в кочегарке,
Кряхтела азартно хмельная «Горбушка»:
Здесь вам не капуста, не лук и петрушка,

Не фуры с картошкой, морковью, редиской,
А плееры, книжки, пиратские диски,
Японский видак, но видать – из Китая;
Кому-то везёт, а кого-то кидают.

У крайнего ряда в углу за фургоном
Старуха торгует своим патефоном,
Мечтая о булке из тёплой кофейни,
«Бери» – говорит, мол, немецкий, трофейный.

Стучит каблуком о каблук, замерзая
В толпе у аллеи, на шумном базаре.
И старый футляр на земле у настила...

Могла же купить, а чего ж не купила?..

Камчатка

Долина Гейзеров, овраги и высоты,
Парами пышут и подрагивают сопки,

Трава повсюду так сочна и дерзновенна,
Что трижды в лето можно в копны ставить сено

И, просыпаясь поутру на сеновале,
Шагать на озеро купаться и рыбалить.

Глядятся в реки бузина, кедрач и вереск,
Когда по осени лосось идёт на нерест,

Играют в салки на пригорке медвежата,
Берёзы розовые в пламени закатов,

Челны из пемз, оскалив остренькие зубки,
Вздыхают нежно, вспоминая бога Кутху¹.

¹ Кутхины Баты – памятник природы, причудливое обнажение пемз. По легенде, это лодки (похожие на долблёнки или индейские пироги), однажды поставленные мудрым вороном Кутхом для просушки и забытые им на берегу.

И мокрым носом на Курилы, как стерлядка,
У океана на боку лежит Камчатка.

Сто четвёртый (фэнтэзи)

*Вместо дождя послал на них град,
палящий огонь на землю их.
Псалтирь, Псалом 104*

Я «Ангел-104» – дайте связь!
Оставлен материк и главный сервер,
Холмы над магмой плавятся, кренясь,
И мобулы² летят на дикий север.

Утрачен уникальный лабиринт,
Погиб отряд рабочих попугаев,
И стены, как горячий стеарин,
В пучину опадают, изгибаясь.

Ошибка та же, что и на Земле —
Разорван слой защитного озона.
И там погибло в огненной смоле
Всё сущее – от белок до бизонов.

Снижаю влагой градуса на три
Азотный воздух, огненный и спёртый...
Эх, поздно! Жаль, крыло моё горит...

Не поминайте лихом, Сто четвёртый.

² Мобулы (лат. *Mobula*) – род хрящевых рыб семейства орляковых скатов, способны совершать прыжки над водой.

Денис Камышев, Ашдод

Книга жизни

Сорок восемь лет мама хранила книжку, которую завела, когда я родился. Она хранила бирки с моим именем из клеенки, которые мне привязали на ногу, чтоб не потерять среди других замечательных младенцев.

В эту книгу мама записывала мои смешные фразы:

Мне три года. Увидел развивавшееся на ветру сохнувшее белье.

- Ой, мама, смотри, белье корчится от смеха...
- Мама, ветер стучит в окно, как война...
- Тихо! Я хочу пить...

Рассматривая картину Фрагонара:

- Мам, дядя раздетый?
- Да.
- А что они с тетей делают?
- Целуются.
- А дядя хороший, да мама? У него же есть штаны?

– Мама, помнишь мы были у бабули: я, папа, мама и горшок...

- Мама, а Сальери почему Моцарта отравил?
- Потому что завидовал...
- А где сейчас Сальери? Его тоже кто-то отравил?
- Умер от старости.
- Так ему и надо.

Первая сочиненная сказка в четыре года:

Жила была муха. Полетела она гулять. А навстречу ей стрекоза

- Здрасти! Вы куда?
- Гулять

– Можно к вам в гости?

– Можно.

Полетели, а навстречу им моль.

– Здрасти! Вы куда?

– Мы, вот, к мухе в гости.

– Можно я с вами?

– Можно.

Прилетели они к мухе. Стали прыгать и плясать. А моль в это время сожрала ковер.

И тут из-за угла вдруг появляется таракан... ой, паук... Он проглотил муху и подавился косточкой...

Мама обрызгалась грязью.

– Мама, ты свинья...

– Нет, я нечаянно.

– Да, ты – так нечаянно, а я – так свинья... Я тоже хочу нечаянно...

– Мам, ты никогда не умрешь?

– Нет, не умру.

– Мам, ты люби... Когда любят, тогда не умирают.

– А кого любить?

– Ну, папу люби... Вы делайте любовь, а я вырасту и изобрету лекарство от старости, а вы не умрете, и я сделаю вас молодыми... Я буду изобретателем...

Все у него хорошие, всех Денис очень любит.

Смотрю мамину запись за май семьдесят второго. Мне два года.

«Дениска, умер дедушка 2 мая. Как страшно мне. Ведь папа совсем не старый. Горько и страшно. Не могу, а надо жить и тебя растить, сын. Твой дед безумно тебя любил, да ты на него очень похож. Милый мой малыш, надо быть тебе на него не только похожим внешне. Дед был энциклопедией и прекрасным музыкантом. И первая запись в этой книге твоей жизни его рукой сделана... Боже мой, как плохо, как горько... Всего сорок восемь лет...»

Сейчас мне сорок восемь лет. Я умирал и воскресал неоднократно, был под огнем противника, меня убивали бандиты и любимые женщины. И я выжил. Выжил, потому что у меня замечательные родители, которых я очень люблю. Я похож на деда. Очень похож. Спасибо вам, мои родные люди. Ближе вас у меня никого нет. Только сын. И кот. Толстый, наглый кот, который похож на меня как две капли воды.

«Ангелы в глазах моих смеются...»

Ангелы в глазах моих смеются,

Разбегусь и прыгну в небеса.

Мне на землю больше не вернуться,

На земле мне быть никак нельзя.

Я взлетаю над смешной планетой,

Там внизу веселый водевиль.

Посылаю всем свои приветы,

Я люблю и помню этот мир.
Бог-отец слепил его из грязи,
Жизнь вдохнул и дал надежду жить.
И не вспоминал о нем ни разу,
Хоть и продолжал его любить.
Мир прекрасен, очень многогранен,
И не всем дано его понять.
Только тем, кто миром был изранен,
Тем, кто в небо прыгнул умирать..

«Время – пепел в кофейной чашке...»

Время – пепел в кофейной чашке,
Время – полночь без сна и света.
Где ты? В чьей ты сейчас рубашке?
Абсолютно сейчас раздета?
И кому шепчешь страсти гимны?
И о ком ты в мечтах, до дрожи?
Поцелуев следы, как стигмы,
И мурашки бегут по коже...
Время лекарь, палач или дьявол?
Жизнь проходит красиво, стильно...
Я укурюсь, как одеялом,
Беспощадной плитой могильной...
Ты затянешься тонким «Вогом»,
Ты согласишься, куда-то мимо...
И беседуя в мыслях с Богом,
Может, вспомнишь поэта имя...

«Разговоры ночные помешивал, словно помешанный...»

Разговоры ночные помешивал, словно помешанный,
Словно турку на газе, подогревал теплой похотью.
И святые хотят любви, и святые совсем не безгрешные,
Их сияние душ покрывается временной копотью.
Все от Бога... и мысли, и страхи, грехи и желания,
От лукавого лишь безнаказанность и безответственность.
Нам всего-то и нужно немного людского внимания,
Чистым помыслам сложно душою нагой соответствовать,
И похмельем любви к нам приходит за это страдание...

«Заполняю осмысленными иероглифами любви...»

Заполняю осмысленными иероглифами любви
Твою напряженную душу, словно страус
Прячушую голову в песок быстротечного времени...
Тихо поет Синатра... кофе... я молча каюсь,
Что вел себя, как спортивный болид, убегая от тьмы.
Болят? Нет, уже весело мне, поверьте,
Весело и легко, как пузырьки в шампанском,
Улетают дни... Где та девушка в красном?
Где те глубокие, разноцветные сны?
Новый год пригубив, слышу зовущий запах весны...
Ору, как помоечный кот, от страсти...
Мы были друг с другом враждебно честны,
Мы рвали зубами на части счастье...
Мы были любовью напряжены,
И каждый хотел над другим своей власти...
Сегодня, выпив кислого яда прозрения,
Выстреливаю угловатые, как подросток, стихотворения...
В никуда... никуда, на иврите – конечная точка...
Все... пробел... кончились пули слова,
Рассыпалась бисером рванная нестихотворная строчка...
Ты, как всегда, оказалась права...
Я снова рву письмо к тебе в клочья...

«Они оба смотрели в окно...»

Они оба смотрели в окно.
У него шел холодный злой дождь.
У нее было солнце и лето.
Они жили вдвоем на планете
Под названием Наша Любовь...
Жили в разных местах и эпохах,
Жили с кем-то и жили отдельно.
И порой одному было плохо,
Он был с ней... только в разных постелях...
Одиночество свило гнездовье
В его пыльном захламленном доме.
Он смотрел в серый дождь и безвольно
Плакал вслед... Потому что был в коме...

«Хочется наблюдать дождь, в теплом гнездовье пледа...»

Хочется наблюдать дождь, в теплом гнездовье пледа,
Чувствуя рядом родное бедро, есть колбасу с хлебом.
Чай в подстаканнике, кислый лимон, жёлтое полнолуние,
И та, в которую я влюблен, маленькая колдунья.

Я прихожу в пустой пенал студии обитания,
Гневно мне кот с порога орал о недостатке внимания.
Дождь за окном, словно хладный труп, бьется в стекло оконное.
Интеллигентно и как-то вдруг воняет ведро помойное.
В плеле завернуто не со мной, теплое нежное прошлое.
Я возвращаюсь один домой... Рама лица перекошена...
Пива пушистая пена... Пью... Пачкаю словом бумагу.
Я никого больше не люблю... Кроме мохнатого гада...

«Не удерживай солнце, сожжешь ладони...»

Не удерживай солнце, сожжешь ладони,
Не удерживай счастье, сожжешь и душу.
Не удерживай скорбь, в квинтэссенции боли,
Только ты можешь жизнь от отчаянья рушить.
Не кляни тех, кто мучил тебя надеждой,
Будет лучше прожить до конца в бусидо.
Пусть не будет уже ничего, как прежде,
Ты скажи лишь с улыбкой за все спасибо...

«Сквозь беспощадных лет унылый бег...»

Сквозь беспощадных лет унылый бег,
Мужей меняя, покупая соль,
Встречала в ожидании рассвет,
Хотя была Мариной... Не Асоль...
Михайлов Стас, как дрозд, пел по утрам,
В шкворчании глазуни и кота.
Ты разгоняла утренний туман
По-прежнему его еще ждала...
Где постаревший, разжиревший принц?
В чужом краю, забыв давно мечты,
Он хлебным мякишем кормил на море птиц,
Высматривая парус, как и ты...

«Мой город, словно старый трансвестит...»

Мой город, словно старый трансвестит,
В вечерний макияж цветных теней,
Одет, и под дождем унылым спит.
В уютной неподвижности своей,
Ему лень шевелиться и спешить.
Он просто есть, нейтральный для людей.

И нам лишь остается только жить
Во влажной сути долгих зимних дней...

«Не умея любить, говорим невпопад о любви...»

Не умея любить, говорим невпопад о любви,
Не умея понять, мы не слушаем чувства других.
Не умея простить, остаемся все время одни,
Не умея терпеть, бьем под дых самых близких, родных.
Мы умеем давить, обижать, забывать, заставлять,
Доводить до психоза, лишая надежды и сна.
И уже не спасет приглашение в вашу кровать...
Ожидает в прихожей распутная сука весна...

«Ко мне приходила в снах женщина-кошка...»

Ко мне приходила в снах женщина-кошка,
Тихонько скреблась в моей жизни окошко.
Пила молоко из красивого блюдца,
Но только однажды забыла вернуться.
Искал я ее по дворам, по помойкам,
В богатых домах и в чужих жизней койках.
Пока не увидел с другим котом кошку...
Она приходила ко мне понарошку.

«Цветные кубики мечты...»

Цветные кубики мечты,
Сложить в реальность слишком трудно,
И можно быть безмерно мудрым,
И быть счастливым лишь почти...
Когда нелепая деталь
Разрушит все строенье сразу.
Осознавая свой маразм,
Ты строишь дальше... но в печаль...
Ты строишь то, что разрушают,
Упорно, черный красишь белым
И остаешься неумелым,
А раны все не заживают...
Ты красишь в красный, кровотока,
Но понимаешь: все подделка.
Ты пишешь сердцем, жизнь пророча,
Нырять там, где слишком мелко...

Александр Бинштейн, Ашдод

«Опечатано сердце, любовь как сургуч горячий...»

*Положи меня как печать на сердце своё...
(Песнь песней)*

Опечатано сердце, любовь как сургуч горячий,
Плачет.
Есть вход, как парадное. Въезжай на карете...
Выхода нет!
На пальце перстень, камнем внутрь,
В камне мука.
Любовь и Смерть – орёл и решка одной медали,
Преисподней разверзнута пасть,
Не ждали?
Легионы.
Луки подняты, зажжены стрелы,
Взяты прицелы.
Ливни, потоки —
прологи потопа.
Волны —
войною идут на пламя,
Отступают с боями.
Покупаешь любовь, платишь скарбом домашним?
Смешно и страшно.

Lasciate ogni speranza voi ch'entrate

Труд этот требует рвенье, сноровку и слаженность.
Перелопатить всю грудку намерений тщательно,
Лишь то, что воистину обществу благом покажется,
Достойное место найдёт в мостовой обязательно.

Булыжник к булыжнику складывать нужно старательно,

Чтобы во время пути не преткнулись сандалии,
Того, кто свой путь осилить спешит невнимательно,
О выпирающий, словно заноза, *petra scandali*...

Чтоб каждый идущий дорогой, мощенной намереньями,
Легко, как по царскому тракту, не мучась мозолями,
Спускался, не ощущая времени бремени,
К медным вратам, с резными витыми консолями.

Врата распахнутся, отзовутся протяжными стонами.
И прочтает ему, улыбаясь, привратник рогатый,
Встречая его шутовскими смешными поклонами:
*Lasciate ogni speranza voi ch'entrate!*³

Парки

Три старые карги, древнее всей вселенной,
Со впадинами глаз, давно забывших свет,
Тончайшей пряжи нить за каждой жизнью брэнной,
Из Млечного пути вытягивают вслед.

Кудель из блёклых звёзд в ладонях старой Ноны,
Как червяки в земле шевелятся персты.
У Децимы в руках, на язвах и бубонах,
Вращается, скрипя, веретено судьбы

Страдания и боль на лицах Парок стёрты.
Как стёрто и само значенье слова «жить»,
Бесстрастное лицо у самой старшей – Морты.
В тот миг, когда она перерезает нить.

Но вы так молоды ещё и так прекрасны...
Зачем об этом думать понапрасну.

«Когда нервы натянуты, как корабельные ванты...»

Когда нервы натянуты, как корабельные ванты,
И ветер играет на них каприс Паганини,
В наверхии мачты застыла Луна на пуантах,
Вдохнови меня, друг, чтобы снова я пел вместе с ними.

Я так рвался вперёд, глотая урывками воздух,

³ «Оставь надежду, всяк сюда входящий» – концовка надписи, размещённой над вратами ада в «Божественной комедии», созданной Данте Алигьери в 1307—1321 годах («Ад», песнь 3, строфа 3). Оригинальное выражение – итал. «Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate», буквально переводится как: «Оставьте всякую надежду, вы, входящие».

Ощущая на нёбе привкус вспенившейся крови,
Я устал, мои мышцы восстали и требуют отдых,
Позвочника хорда ноет в запёкшемся слове.

Я проделал свой путь, пожиная колючки и лавры.
Я верблюдом пролез сквозь порталы игольного уха,
Не давала покоя мне видно Пиррова слава,
В легионах моих воцарилась надолго разруха.

В кулаке, на поломанном древке, горелое знамя,
И у ног замолчавшая, песни забывшая лира.
Вдохнови меня, друг, вдохнови и наполни стихами.
Чтобы снова я видел красоту и убожество мира.

Рашид Нагиев, Ашдод

Родился в Баку в 1954 году. Окончил операторский факультет ВГИКа. Работал в кино и на телевидении. Член Союза кинематографистов СССР, лауреат Государственной премии Азербайджанской Республики. В Израиле с 1993 года. Живёт в Ашдодде.

Работал на девятом и других каналах израильского телевидения. Три книги рассказов «Он, Она и Море», «Олимпия» и «Дорога к миру» вышли в издательстве «Книга – Сефер».

Остров непоплаченных долгов

1.

Внезапно начавшаяся гроза разбудила Марка Этингера. Он лежал на просторной кровати в номере люкс мотеля «Ариранг» и смотрел в большое квадратное окно. Это был ещё крепкий мужчина шестидесяти лет, среднего роста, обычного телосложения, с застывшей на лице печалью. Миндальный разрез глаз, нос с горбинкой и курчавые седые волосы выдавали его еврейское происхождение.

Цветные плотные шторы были полностью раздвинуты, и мужчина хорошо видел серые тучи различных оттенков. Они медленно двигались, меняя свои очертания, а яркие молнии разрезали их по всем направлениям. Марк не был полностью уверен в точности своих наблюдений и в правильности выводов, но с некоторых пор он стал замечать, что грозы преследуют его. Они с большой вероятностью возникали там, куда мужчина приходил или приезжал. Какого-либо разумного объяснения происходящему у него не было. Марк подошёл к окну, чтобы полюбоваться полноводным ливнем над зелёными холмами острова Чиндо, над бирюзовой лагуной с её опустевшим пляжем, над двухэтажным мотелем «Ариранг», где они остановились. Хотя Марк Этингер находился здесь, на южной оконечности Корейского полуострова совсем не для того, чтобы любоваться здешней природой. Он был владельцем двенадцатого канала израильского телевидения и прибыл сюда вместе с большой группой своих сотрудников, чтобы заснять для еженедельной передачи «Неизвестная планета» сюжет о фантастическом явлении, происходящем между материковой частью суши и островами Чиндо и Модо. Ежегодно тысячи туристов со всего мира приезжали на эти острова в Восточно—Китайском море, чтобы самим увидеть это чудесное событие. Местные жители, а также специалисты-астрономы утверждали, что всё должно произойти со дня на день, потому что Земля, Солнце и Луна на своих орбитах уже выстроились в одну линию, многократно увеличив силу взаимного притяжения. Но вот уже пятый день телевизионщики почти круглосуточно наблюдали за этим живописным участком Восточно-Китайского моря, но ничего не происходило. Поэтому Марк Этингер, будучи руководителем группы, созвал техническое совещание, чтобы определиться с дальнейшими действиями. Телевизионщики должны были собраться к одиннадцати часам в фойе гостиницы, а пока, стоя у окна, Марк наблюдал за грозой. Он неожиданно вспомнил такой же дождливый день в одном из посёлков недалеко от Баку.

2.

Та гроза сорокалетней давности оставила глубокий шрам в его памяти и загадочный след на киноплёнке, чему так и не нашлось логического объяснения. Сорок лет назад, будучи студентом Института кинематографии, Марк вместе со студентом с параллельного режиссёрского факультета снимал очередную курсовую работу. Согласно сюжету, съёмки проходили в небольшом посёлке недалеко от Баку.

В середине рабочего дня внезапно началась гроза с ливнем. Решили объявить перерыв в работе, а заодно и перекусить, пока не прошёл дождь. Администратор съездил на ближайший рынок и привёз для всех сочные кутабы с мясом и зеленью, а также разнообразные салаты из овощей, и воду. Актёры, техники, осветители, гримёры и костюмеры пообедали прямо в студийном автобусе, где имелся раздвижной столик для полевых условий. Марк с юности был человеком аккуратным и ответственным и потому не мог оставить мусор в автобусе, на котором перевозил съёмочную технику. Он нашёл большой бумажный пакет и собрал в него остатки еды, бутылки, салфетки и одноразовые тарелки со стаканами. Но, выйдя из автобуса, Марк не увидел поблизости ни одного мусорного бака. На улице крутилось несколько молодых зевак, с интересом наблюдавших за съёмкой кино. Марк пошёл по дороге в сторону заброшенной мечети, надеясь найти там место для мусора. Мечеть была небольшой с серебристым покосившимся куполом и с одним минаретом, а несущие стены в нескольких местах серьёзно повреждены. Парень обошёл мечеть с обратной стороны и через пролом в стене шагнул в полумрак внутреннего зала. Сквозь глубокую трещину на куполе в мечеть проникал тусклый свет, пахло сыростью и запустением. Штукатурка на стенах почти полностью осыпалась и почернела, лишь кое-где проглядывали островки былого цветного орнамента. Весь пол был в кучах мусора, и несколько бездомных кошек искали в самой большой куче что-то съедобное. Недолго думая, Марк бросил свой мусор в эту зловонную кучу и вышел из мечети.

Вскоре ливень закончился. Студенты смогли продолжить съёмки курсового фильма, но на других объектах. К вечеру всё было снято, а через неделю пришло время возвращаться в Москву в родной институт. Марк без промедления сдал снятую киноплёнку в лабораторию на проявку и печать позитива. Уже через два дня оба студента сидели за монтажным столом перед экраном и внимательно просматривали снятый материал. И тут Марк понял, что впервые в жизни столкнулся с необъяснимым явлением – всё, что было снято на объектах, никак не связанных с посёлком и с разрушенной мечетью, получилось очень хорошо. А там, где эта мечеть оказывалась в кадре либо действие происходило на её фоне, по всему изображению на плёнке словно прошлись электрические разряды молний. Показывать такое кому-либо было невозможно. Отдел технического контроля написал акт о заводском браке киноплёнки в количестве двухсот сорока метров. Имея на руках такой документ, студенты получали возможность переснять бракованный материал. Но Марк впервые подумал о том, что дело совсем не в киноплёнке, а в нём самом и в его поведении там, в мечети. Поэтому теперь некие высшие силы вершат справедливое возмездие. Именно тогда впервые в его сознании пошатнулась непоколебимая ранее материалистическая модель мира. Марк даже хотел поговорить о своих сомнениях с преподавателем по научному атеизму, но потом правильно рассудил, что убеждённый коммунист не поймёт его и ничем не поможет. А вот на экзаменах вполне даже сможет понизить ему оценку за сомнения в таком важном вопросе как борьба материализма с идеализмом. Бедный студент не мог позволить себе остаться без стипендии из-за этой непонятной борьбы. К тому же молодость казалась бесконечной, и идти на костёр ради сомнительных истин ему совсем не хотелось. Парень решил ни с кем не откровенничать на эту тему. Впереди была вся жизнь, пусть даже в стране победившего атеизма.

3.

Гроза за окном внезапно прекратилась, как и поток его воспоминаний. Мужчина отошёл от окна и начал одеваться: джинсы, белые кроссовки, полосатая футболка с какой-то надписью на английском. Потом он вышел из своего номера и по лестнице спустился на первый этаж в вестибюль гостиницы. Всего несколько туристов стояли возле регистрационной стойки и беседовали с двумя корейками. По всей площади были расставлены низкие столики, кресла и стулья. На столах – высокие вазочки с декоративными корейскими цветами и растениями. Сквозь большое окно виднелось бирюзовое море. Телевизионная съёмочная группа, состоящая из пяти человек, в ожидании босса устроилась в дальнем укромном углу на двух диванах, между которыми стоял журнальный столик. Марк подошёл к своим ребятам, поздоровался, потом придвинул свободный стул к журнальному столику и устроился поудобнее.

– Ситуация складывается не лучшим образом, – начал свою речь Марк, – мы находимся здесь уже пятый день, но никакого обещанного чуда не происходит. Возможно, всё это лишь приманка для туристов. В любом случае через два дня мы должны вернуться в Израиль, но не с пустыми руками. Ставлю задачу – за эти два дня надо снять подробный репортаж об острове Чиндо и его жителях. Их здесь, кстати, тридцать пять тысяч человек. Далее мне нужны красивые морские пейзажи, ухоженные пляжи и великолепные парки для семейного отдыха. Хорошо бы показать оригинальный современный мост, соединивший остров с материком.

– По моим сведениям, – вмешался в разговор режиссёр Кирилл Силаев, – на соседнем острове Модо имеется смотровая площадка, с которой можно быстро снять всю красоту здешних мест.

– Замечательно, – ответил Марк, – и вот ещё что: надо рассказать нашим зрителям о знаменитой охотничьей породе собак, которая так и называется «чиндо», и обитает только на этом острове. А в финале репортажа по традиции желательно приготовить какое-нибудь популярное национальное блюдо.

– Из этой самой собаки, – шутливо произнёс режиссёр.

– Слишком чёрный юмор. Не ожидала от тебя, – возмутилась Мария Пагудина, одновременно редактор и ведущая программы путешествий.

– Мы же в Корее, – оправдывался Кирилл.

– У меня технический вопрос, – поменял направление разговора оператор Виталий Рабинович, – пока мы будем всё это снимать и разъезжать по объектам, вдруг что-то начнётся на море, а нас не будет рядом.

– На этот случай, – ответил босс, – ты оставишь мне наш квадрокоптер. Если на море что-то произойдёт, я, по старой памяти, подниму его в небо и всё сниму сверху. Будет даже интереснее с высоты птичьего полёта. Если вопросов больше нет, то можете ехать, а я прослежу за морем отсюда.

Телевизионщики поднялись и вышли из гостиницы на стоянку к своему микроавтобусу. Марк проводил их взглядом, потом поднялся на второй этаж и вышел на широкую веранду, с которой открывалась живописная панорама на зеркальную гладь моря, раскинувшуюся между материковым пляжем и двумя зеленеющими островами. На пляже острова Чиндо тоже было много туристов, и стайки чаек спокойно отдыхали на воде в этот тёплый безветренный день. Марка удивило, что на веранде в огромных вазонах с землёй росли настоящие деревья. Их густая листва накрывала естественной тенью почти всю площадь веранды. Находиться в этой тени было приятнее, чем рядом с кондиционером. Марк с удовольствием сел за столик и машинально открыл меню, лежащее перед ним. Сразу же подошла официантка. Мужчина на ломаном английском заказал себе большую чашку кофе с молоком и пирожное. Только теперь Марк заметил, что в дальнем углу веранды, рядом с перилами сидит женщина, повернувшись лицом к морю. Женщина была в белом платье с голубым поясом, выгодно подчёркивающим талию, и в белой широкополой шляпе, прикрывавшей половину её лица. Мас-

сивные солнцезащитные очки тоже мешали разглядеть её. Марк много лет не видел эту женщину, но узнал бы её всегда и везде.

4.

Это была Валерия, его первая любовь. Круглые щёчки, пухлые губы, короткая стрижка и хитрые прищуренные глаза придавали её лицу откровенно детское выражение. А фигура – как всегда идеальна, даже сейчас, спустя сорок лет. Возможно, за эти годы она немного поправилась, но из-за этой лёгкой полноты Валерия выглядела ещё привлекательнее. Марк даже подумал, что многие женщины сэкономили бы на косметологах, диетологах и хирургах, если бы кто-нибудь смог донести до прекрасных дам, что большинство мужчин предпочитает полненьких и вкусненьких, а не костлявых и кислых.

Словно почувствовав на себе чей-то взгляд, Валерия повернулась и увидела Марка. К нему подошла официантка и аккуратно разложила на столе его заказ. Мужчина никак не отреагировал на девушку, продолжая смотреть на Валерию. И на этой веранде только для двоих остановилось время, а затем покатилося вспять.

Они полюбили друг друга ещё в школе, в девятом классе. На выпускном вечере влюблённые до утра гуляли по бакинскому бульвару, держа друг друга за руки. Но жизнь не похожа на прямой и широкий бульвар – пришло время расстаться. Она поступила в Ленинградский институт, а он – в Московский. Однако на свете есть каникулы и друзья. Когда у молодых совпадали даты возвращения в Баку, друзья помогали влюблённым уединиться на несколько дней. Родители с обеих сторон не препятствовали их встречам, логично полагая, что дети после института поженятся. Однажды во время зимних каникул они провели вместе три дня в освободившейся квартире родственников. Это был их последний вечер. Утром он должен был ехать в аэропорт, чтобы вернуться в Москву. Марк так любил идеальное тело девушки, что решил попросить её сняться обнажённой. Ему хотелось навечно зафиксировать эту красоту. Валерия, преодолев застенчивость, согласилась. Марк начал фотографировать её в лёгком распахнутом халатике на голое тело. Потом он попросил её подняться на табуретку в центре комнаты.

– Ты хочешь, чтобы я ещё и стишок прочла с табуретки? – улыбнулась Валерия.

– Нет, – ответил Марк, – я хочу, чтобы ты чуть приоткрыла халат до середины груди.

Валерия старалась точно выполнять указания фотографа. Вскоре халатик окончательно упал к её ногам, и уже ничто не мешало восхищаться её формами. Марк часто менял освещение, ракурс, крупность плана и фон, осыпая при этом любимую искренними комплиментами. Валерия быстро освоилась с ролью фотомодели и, сойдя с табуретки, сама предложила несколько смелых эротических композиций. Это окончательно возбудило Марка, и он, отложив в сторону камеру, подошёл к девушке, обнял её обеими руками за талию и жадно поцеловал в губы. Потом они стояли обнявшись посреди комнаты, и Валерия вдруг сказала тоном заботливой мамы:

– Ты увлёкся со съёмками. Отдохни немного. Знаешь, после Москвы ты мне кажешься каким-то уставшим и похудевшим.

– Видимо, после солнечного Баку в пасмурной Москве мне не хватает витамина «Д», – пошутил парень.

– Как ты думаешь, – спросила Валерия, – женщина – это какой витамин?

– Наверно, «Л».

– А мужчина в таком случае?

– «Е», – предложил Марк, и самому стало смешно.

– Ты неисправимый маньяк, – улыбнулась девушка и повела его в соседнюю комнату. Но прежде чем нырнуть под одеяло и обменяться витаминами, влюблённые зашли в душевую. Валерия достала из шкафчика большую губчатую мочалку и обильно намылила ею своего муж-

чину, как маленького мальчика. Марк стоял посреди душевой комнаты с закрытыми от удовольствия глазами и лишь иногда мурлыкал. Он думал о том, что это и есть счастье.

Они проснулись в восемь утра, почти одновременно.

– Во сколько у тебя такси? – спросила Валерия.

– В десять, – ответил Марк.

– Я приготовлю завтрак, а ты можешь ещё поваляться. У тебя сегодня длинный день. Девушка хотела встать с кровати, но Марк взял её за руку:

– погоди, родная. Я хочу предупредить тебя заранее. На летние каникулы я не смогу приехать в Баку. Весь наш курс на всё лето отправляют на преддипломную практику. Мы с Володей будем практиковаться на «Ленфильме», а жить в гостинице при студии. Я надеюсь, ты сможешь навещать меня?

– Конечно, дорогой, я приду к тебе в гости. Потом погуляем по Ленинграду, я покажу тебе наш город, – пообещала Валерия, – вот только остаться с тобой на всё лето не смогу – я обещала маме обязательно приехать.

– Понимаю, – ответил Марк.

5.

Большая группа туристов с маленькими детьми заглянула на веранду. Они говорили на незнакомом языке и постоянно смеялись. А воспоминания не приходят туда, где шумно. Поэтому реальность вернула его на веранду, за столик с чашкой кофе. Валерия тоже узнала этого мужчину и теперь неотрывно смотрела в его сторону. Когда-то он не хотел о ней даже слышать, но, видимо, пришло время вынуть из сердца эту колючку.

Марк решительно поднялся и пошёл к её столику. Не спрашивая разрешения, он сел рядом на свободный стул.

– Здравствуй, Валерия, – сказал Марк, – теперь я верю, что мир тесен. Каким же ветром тебя занесло на этот остров?

– В Сеуле проходит международный симпозиум по психологии. А его участников привезли вчера вечером сюда на экскурсию. Говорят, что на море должно произойти что-то невероятное.

– Какая удача встретить здесь не просто знакомую женщину, а ещё и психолога, – шутливо сказал Марк. – Может теперь сможешь разобраться, почему у нас ничего не получилось, и жизнь пошла под откос?

– Но ты не производишь впечатление пострадавшего человека, – ответила Валерия. – В наших новостях писали, что ты даже стал владельцем телевизионного канала.

– Это правда, – ответил Марк, – человечество в борьбе со скукой придумало себе много разных игрушек, но, как и миллион лет назад, человеку нужен только человек. А я в свои шестьдесят всё так же одинок, как и в тот день сорок лет назад, когда прочитал твою предательскую записку.

Видимо, упрёк попал в цель, потому что в глазах женщины заблестели слезинки и она ответила:

– Жаль, что ты так поздно решил разобраться с этим, когда прошла уже целая жизнь. Пойми, я тоже не родилась сразу профессором и доктором наук. Когда-то я была молодой студенткой и совершила глупость. Ты к моей глупости добавил свою, и это недоразумение так раздулось, что мы с ним уже не справились.

Веранда продолжала заполняться отдыхающими. Здесь стало очень шумно и суетливо. Марк понял, что невозможно продолжать серьёзный разговор в таких условиях и предложил Валерии спуститься к скалистому берегу, туда, где не было многолюдного пляжа, и только несколько местных рыбаков возились со своими лодками. Женщина сняла босоножки на тонком каблуке и с удовольствием пошла по тёплому песку босиком, а бирюзовая гладь воды

манила своей чистотой и спокойствием. Они молча шли по берегу, не нарушая разговорами естественную тишину.

Марк вспомнил тот роковой день, когда вместе со своим другом и однокурсником, Володей Климовым поселился в номере гостиницы при киностудии «Ленфильм». Так начиналась их преддипломная практика и его личная драма.

К двум часам дня, как и было обещано, к ним в гости зашла Валерия. Марк познакомил свою девушку с другом, потом они все вместе приготовили лёгкий ужин. Кто-то открыл бутылку сухого вина и поставил на стол. К семи часам вечера Володя объявил, что ему необходимо встретиться в городе с армейским товарищем. Он быстро переоделся и перед уходом сказал:

– Я переночую у родственников. Отдыхайте спокойно.

Было понятно, что деликатный друг не хотел мешать влюблённым. А вино заметно развеселило Валерию. Улыбаясь, она подошла к Марку, обняла его и сказала с закрытыми глазами:

– Сегодня ночью я заберу у тебя весь твой витамин «Е». Ты готов?

– Как пионер, – ответил студент.

Валерии нравилось быть сверху и самой управлять глубиной удовольствия. Она медленно двигалась на своём парне, ощущая как нечто твёрдое, но желанное всё увереннее проникает в неё, с каждым мгновением усиливая наслаждение. Марк никогда не спешил с финалом, давая любимой девушке время достичь точки невозврата, после которой загадочные женские глубины всегда сотрясал эрогенный взрыв, ничуть не слабее выброса ядерной энергии, а на всё женское тело опускалось блаженство. И тогда Марк неизменно целовал красивую грудь Валерии, потом переходил на нежные губы и в сильном возбуждении проливался в ней обильным белым дождём.

Марк проснулся в девять утра и понял, что в комнате кроме него самого никого больше нет. Ему уже не надо было ходить на лекции, а у Валерии начались экзамены, и потому ранним утром она ушла в институт. Марк, не спеша умылся оделся и спустился на первый этаж, чтобы позавтракать в какой-нибудь ближайшей кафешке. В фойе гостиницы на видном месте стоял прямоугольный стол, на котором все проживающие оставляли записки, письма, телеграммы, поздравления и сообщения. Марк вдруг увидел своё имя на вчетверо сложенной листке бумаги. Кто-то написал и ему. Марк достал эту записку из общей кучи корреспонденций и прочитал:

– Милый мальчик! Я не хочу тебя обманывать, поэтому признаюсь сразу – мне очень понравился твой друг Владимир: высокий, культурный, умный и деликатный. Думаю, это именно мой мужчина. Я постараюсь с ним встретиться. Не обижайся, а пожелай мне удачи. Валерия.

Не веря своим глазам, Марк три раза прочитал эту записку и с каждым разом всё сильнее закипал от злости. Особенно его возмутило словосочетание «милый мальчик». И всё это после великолепной ночи любви! Такое коварство девушки никак не укладывалось в его любящем и доверчивом сердце. Однако вызов судьбы требовал ответа. Недолго думая, Марк поднялся к себе в номер, быстро собрал вещи и заказал такси до вокзала. Потом он купил билет на ближайший поезд до Москвы и к вечеру уже стоял в родном деканате с просьбой о переводе на любую другую студию. Марк был отличником, и в деканате пошли ему навстречу. А девушку по имени Валерия и парня по имени Владимир он навсегда вычеркнул из своей жизни и даже не попытался разобраться в случившемся. Теперь, спустя сорок лет, он шёл с этой женщиной по берегу Восточно—Китайского моря, не понимая зачем и куда. Вероятно, это была всего лишь мимолётная и бессмысленная встреча с молодостью.

Большая надувная лодка с прикреплёнными белыми вёслами лежала на песке у самой кромки суши. Поблизости не было ни одного человека, лишь бирюзовая гладь сливалась на горизонте с белыми облаками. Валерия босиком забралась в лодку и уселась на деревянную скамью, рядом с кормой.

– Давай немного отдохнём и будем уже возвращаться в гостиницу, – сказала женщина.

Но мужчину, видимо, потянуло на приключения – он обеими руками толкнул лодку в море, и она, легко заскользив по песку, вошла в воду.

– Ты с ума сошёл. Это же чужая лодка, – удивилась Валерия.

– Не беспокойся, – ответил Марк, – пять минут покатаемся и вернёмся.

Он тоже запрыгнул в лодку и сел на центральную скамью поближе к вёслам.

– А если придёт хозяин? – не унималась женщина.

– Я куплю у него эту лодку, – уверенно ответил Марк.

– Ах, да, я забыла. Ты же теперь у нас акула капитализма. Интересно, ты жестокий эксплуататор или всё же с человеческим лицом?

– Скажем так, акула с человеческим лицом, – отшутился Марк, продолжая неторопливо грести вёслами. Лодка медленно отходила от берега. А Солнце стояло ещё высоко, разбрасывая по морю свои обжигающие лучи. Но белая шляпа и тёмные очки, как нельзя лучше оберегали женщину от коварных лучей. Марк решил передохнуть и отпустил вёсла. Лодка остановилась в ста метрах от берега – плыть дальше не было смысла. Марк посмотрел на Валерию и подумал:

– А ведь прошло уже двадцать пять лет как он в Израиле. Марк давно выучил древний язык предков и работал на телевидении. Купил квартиру, машину, загородный домик у моря. Недавно стал владельцем успешного канала. Любимые дочери давно выросли, получили высшее образование и удачно вышли замуж. Однако у айсберга всегда есть подводная часть...

Валерия будто читала его мысли и спросила:

– И всё-таки, колишь, как же тебе удалось разбогатеть? Может, по старой дружбе поделишься секретом успеха?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.